

© 2014 г.

Н.В. КОРОВИЦЫНА

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕШСКОЙ СЕМЬИ в середине XX – начале XXI века

Смена режима демографического воспроизводства в Центральной и Восточной Европе после 1989 г. вслед за сменой режима политического явилась ключевым процессом либеральной модернизации обществ восточноевропейского типа, активно приобщавшихся к западному образу жизни и ценностям. За прошедший период революционных перемен завершился очередной 20-летний цикл смены поколений, позволяющий представить исторические сдвиги в общественном развитии стран региона по пути европейской интеграции. Одним из его главных результатов стала неумолимо сокращающаяся доля людей, живущих в семьях. Однако именно семейная солидарность на протяжении столетий служила основой существования, например, “чешского человека” как представителя “старой” центральноевропейской нации¹. С давних пор он прочно держит судьбы своего народа в собственных руках, полагаясь прежде всего на институт семьи, его традиционные функции самообеспечения и самодостаточности, а позднее – и самореализации личности².

Промышленно развитые Чешские земли (в отличие от Словакии) по характеру воспроизводства народонаселения тяготели к западноевропейскому типу демографического перехода³, который был характерен для большинства стран Западной Европы с последней трети XIX в. до 30-х годов XX в. Межвоенная чешская семья отличалась высоким брачным возрастом, значительной долей мужчин и женщин, не вступающих в брак, сознательной бездетностью как стратегией жизни человека. После Второй мировой войны Чехия переходит к отличительному для консервативной модернизации периода социализма (индустриализация, урбанизация, рост уровня образования) восточноевропейскому типу воспроизводственного режима, когда брак и семья оказываются необходимой жизненной стратегией и важнейшей ценностью⁴.

Уже в 1950-е годы семейное поведение чехов совершенно изменяется: исчезают добровольная бездетность, безбрачие, резко снижается возраст вступления в брак,

Коровицына Наталья Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ См.: *Holý L.* Malý český člověk a velký český národ. Praha, 2001.

² *Možný I.* Česká rodina v době pozdní modernity. – Česká společnost na konci tisíciletí, díl 1. Praha, 1999.

³ Демографический переход – это процесс смены исторических типов воспроизводства населения, являющийся неотъемлемой частью перехода от общества традиционного, аграрного к индустриальному, урбанизированному, современному и затем к обществу постмодерна (второй демографический переход). Согласно теории английского демографа Дж. Гайнала, преимущественно аграрная восточная периферия европейского континента уже с XVI в. отличается от западной его части по характеру демографического воспроизводства (более высокая рождаемость и рождение детей в более раннем возрасте, причем экономическая независимость не считается условием брака, более многочисленные, часто с не одним поколением домохозяйства).

⁴ *Demografická situace České republiky. Proměny a kontexty 1993–2008.* Praha, 2010.

раньше появляется первый ребенок. После 1960 г. динамика рождаемости в Чешской Республике все больше соответствовала ситуации в других соцстранах, отходя от демографических трендов Западной Европы. Демографическая политика рубежа 1960–1970-х годов явилась важнейшей частью “нормализации” общественной жизни после событий Пражской весны 1968 г. Именно в это время Запад вступал на путь второго демографического перехода с характерным падением рождаемости, сокращением числа заключенных браков (завершался “золотой век” брака), плюрализацией форм семьи. Противоположная ситуация наблюдалась в социалистическом мире. Государственные меры в поддержку семьи, материнства и детства с целью стимулирования ранних браков и раннего обзаведения потомством привели к “бэби буму” 1970-х годов и консервации традиционной семьи на востоке Европы. В результате Чехословакия даже опередила остальные страны региона по темпам роста рождаемости. Доля лиц, вступающих в брак, постепенно достигла в стране предельных величин (90–95% 20–29-летних), а рождаемость стабилизировалась на уровне примерно двух детей на одну женщину.

Особенностью коммунистического режима в восточноевропейских странах, прежде всего на его начальных этапах, было стремление власти сочетать консервативную семейную политику с политикой уменьшения значения семьи или дефамелизации. Государство способствовало утверждению гендерного равенства, осуществляя эмансипацию женщин через их участие на рынке труда и социализацию домашней работы и заботы о детях. В условиях эгалитарной политики заработной платы и радикально возросшей доступности детских дошкольных учреждений, в том числе для детей до трех лет, семья из двух кормильцев стала преобладающей для экономически активного населения. Доля женщин как важного источника рабочей силы в общей численности занятых в Чехословакии превысила 40% уже в 1953 г., а в последующем достигла близких к предельным, одним из высших в мире показателей. Практически все чешские женщины возвращались к производственной деятельности вскоре после рождения ребенка⁵. В 1960-е годы, когда на Западе только началось массовое движение к “эгалитарной модели” отношения полов, высокий уровень производственной активности восточноевропейских женщин уже стал частью образа жизни стран региона. А во втором послевоенном поколении с ростом уровня образования и сложности труда женского населения финансовые причины как мотив занятости все больше уступали место его потребности в самовыражении, т.е. осуществлялась собственная версия нового демографического перехода.

Европейский континент, разделенный после Второй мировой войны в политическом, экономическом и социальном отношениях, со временем – особенно в период между серединой 1960-х и началом 1990-х – поделился и по базисным человеческим ценностям, моральным нормам и стилю жизни мужчин и женщин⁶. Поворот к семье, частной сфере и более консервативным ценностям в Чехословакии и других странах востока Европы во втором послевоенном 20-летию совпал с переходом к обществу потребления, но не индивидуалистического потребления западного типа, а скорее семейного потребления (по утверждению чешского социолога, “социализм у нас начался с того, что обобществил семью, а закончился тем, что был семьей тотально колонизирован”⁷). “Семья-центричность” социалистической системы на этом этапе формировалась в условиях дефицита товаров и услуг, ограниченных возможностей путешествий, учебы, карьеры, использования свободного времени при облегченном по сравнению с Западной Европой пути создания семьи, когда государство устраняло его финансовые и трудовые барьеры, а семья воспринималась людьми как единственная альтернатива официальной власти.

⁵ Women and Social Citizenship in Czech Society: Continuity and Change. Prague, 2009, s. 22.

⁶ Současná česká společnost. Sociologické studie. Praha, 2002, s. 109.

⁷ Možný I. Op. cit., s. 31.

Еще в конце 1980-х годов Чешская Республика принадлежала к числу стран с универсальным уровнем заключения браков. В брак вступало хотя бы раз в жизни преобладающее большинство населения, и к 50-летнему возрасту “свободными” оставалось лишь 6% мужчин и 4% женщин – наименьший показатель за последние два столетия⁸. Первый брак, который активно поддерживался государством материально и через помощь в решении жилищного вопроса (у 95% чешских семей после пяти лет брака была собственная квартира)⁹, заключался в раннем возрасте – для мужчин в среднем в 24 года, для женщин – чуть ранее 22. Неженатые и бездетные в репродуктивном возрасте осуждались. Стабильность браков была относительно невысока, и большое количество их распалось – по сравнению с началом 1950-х годов к концу 1980-х число разводов почти утроилось. Однако вне брака оставалось жить мало разведенных: в повторные браки вступало 40% мужчин менее чем через пять лет после развода. Общественный статус разведенной женщины был выше, чем женщин, никогда в брак не вступавших. Причем всего 7% разведенных женщин не работало. Совместная жизнь без регистрации брака не порицалась обществом только в случае, если пара уже имела опыт супружества. Такие отношения мотивировались преимущественно экономическими факторами – возможностью утери финансовых льгот при вторичном браке. Социалистическая идеология исходила из представления о семье как основе государства, поэтому официально поддерживались законные браки с детьми, тогда как доля детей, рожденных вне брака, на протяжении всего периода существования социалистической Чехословакии не превышала 10%¹⁰.

За время жизни двух поколений сформировался особый, вошедший в общественную науку стран региона под названием восточноевропейского, тип демографического поведения и соответствующая ему модель семьи, по-своему сочетающие традицию и современность. Их отличает признание высокого уровня эмансипированности женщин на рынке труда, предпочтение брачного союза другим формам партнерских отношений, сознание, что воспитание детей составляет сердцевину семейных отношений, и одобрение развода как формы разрешения супружеского конфликта¹¹. Следующая этой модели Чехия, как и вся социалистическая Восточная Европа, по количеству вступающих в брак тяготела к группе стран с выраженной традицией католицизма, отличаясь от нее гораздо более высокими показателями разводов¹².

Характер демографического поведения населения страны долгое время оставался стабильным, и еще в начале 1990-х годов специалистам было трудно предугадать перелом в популяционном развитии. Тем не менее через два-три года после перехода к рыночной экономике демографические показатели начали резко меняться¹³. После смены парадигмы общественного развития “старая социалистическая” модель демографического режима, обеспечивавшая простое воспроизводство населения до поколения 1960 г. рождения, стала сменяться на “новую трансформационную”, исторически беспрецедентную даже для чешской нации как самой западной и самой секуляризированной в посткоммунистическом регионе. Главным проявлением либерализации демографического режима стал спад рождаемости, достигшей неожиданно низких значений. Как и в остальных бывших социалистических странах, в Чехии в течение нескольких лет уровень рождаемости, который был одним из самых высоких в Европе, упал до одного из самых низких в мире¹⁴. Исторически минимальный для

⁸ Demografická situace České republiky..., s. 133.

⁹ Proměny rodinných a profesních startů. Praha, 2010, s. 13; *Možný I.* Op. cit., s. 30.

¹⁰ Women and Social Citizenship in Czech Society..., s. 151.

¹¹ Česká rodina v transformaci. Stratifikace, dělbá rolí a hodnotové orientace. Praha, 1998, s. 36.

¹² Подробнее см.: *Коровицына Н.В.* С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М., 2003.

¹³ Současná česká společnost..., s. 111.

¹⁴ *Гашикова Г.* Структурные и ценностные факторы создания семьи в чешском обществе. – Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам, 2007, № 5, с. 19.

страны уровень рождаемости 1936 г. в 1,67 детей на одну женщину был преодолен уже в 1994 г. В результате впервые со времен Первой мировой войны началась естественная убыль населения. Падение рождаемости сопровождалось значительным снижением интенсивности заключения браков – на 20 лет позже, чем на Западе. Единственным демографическим процессом, разительно не отличавшимся от предшествующих тенденций развития, был продолжающийся рост разводов.

Политическая и экономическая обстановка в чешском обществе после падения коммунистического режима не благоприятствовала семье и браку, ведя к увеличению материальных различий между бездетными и семьями с детьми. Совершился отказ от социальных гарантий периода социализма, обеспечивавших подавляющему большинству населения одинаковый, хотя и достаточно скромный, уровень жизни, вернулись бедность и безработица. С другой стороны, молодое поколение уже не стояло перед перспективой простого и единообразного стиля жизни, резко возросли требования молодежи к качеству жизни, ее материальным стандартам и возможностям самовыражения, получили развитие процессы повышения уровня образования.

В этих условиях значения показателей рождаемости 1990-х – начала XXI в. в Чехии превзошли все известные исторические минимумы и максимумы¹⁵. Так, спад рождаемости, продолжавшийся до 1999 г., в сочетании с откладыванием рождения первого ребенка до более позднего возраста привел к тому, что она достигла чрезвычайно низкой величины в 1,13 ребенка на одну женщину – гораздо ниже уровня простого воспроизводства. К концу первого десятилетия 2000-х годов рождаемость поднялась в результате частичного компенсационного эффекта отложенного рождения первенца, что не дает оснований предполагать ее дальнейший рост. Напротив, существует мнение, что современный этап спада рождаемости еще не завершен. Вторая половина 1990-х годов была его ключевым периодом в Чешской Республике – к 2001 г. на 100 25-летних женщин приходилось 70 детей, что на 54 ребенка меньше, чем в 1991 г.¹⁶ Доля бездетных женщин, до конца 1980-х годов остававшаяся на уровне менее 10%, а в 1978–1979 гг. составлявшая всего 5% женщин, теперь возросла до показателей свыше 20%.

Чуть раньше, чем рождаемость, – в 1993–1995 гг. – в Чехии резко сократилось количество заключенных браков. Увеличивались возраст вступающих в брак и количество людей, которые этот шаг никогда не совершат. Ныне ежегодно свои отношения регистрируют около 45 тыс. пар, два десятилетия назад этот показатель был вдвое выше. В результате доля “свободных” в возрасте до 50 лет возросла до 40% у мужчин и 34% у женщин. Причем разведенные или овдовевшие уже не спешат заключать повторный брак, потерявший для чехов свою привлекательность. Вновь вступает в брак втрое меньше разведенных (особенно молодых женщин), чем во второй половине 1980-х годов. Тем не менее брачный возраст пока остается в республике ниже, чем в Западной Европе, и ближе к показателям Восточной Европы. Связь рождения детей и брака ослабла: доля детей, рожденных вне брака, прежде всего одинокими матерями, возросла с 7,4% в 1988 г. до 36% к концу первого десятилетия 2000-х годов¹⁷. Институт брака терял свой привычный охранительный смысл для чешского общества. Наибольшую поддержку он продолжает находить у высокообразованных слоев населения, у которых выше интенсивность вступления в зарегистрированный супружеский союз.

Никаких значительных изменений в условиях общественного перехода в Чешской Республике не произошло в количестве разводов, продолжавших расти на протяжении всего этого периода в условиях общей тенденции увеличения доступности их процедуры. Исключение составлял лишь короткий период радикальных социальных перемен 1991–1992 гг., когда абсолютное число разводов сократилось ниже 30 тыс. в

¹⁵ Demografická situace České republiky..., s. 38.

¹⁶ Proměny rodinných a profesních startů, s. 18.

¹⁷ Ibid., s. 48.

год – показателя, впервые достигнутого в чешской истории в середине 1980-х годов. Это породило в чешском обществе тех лет оптимистические представления об усилении ответственного отношения к вступлению в брак. Уже в 1993 г. они не нашли подтверждения, а в 1996 г. количество разводов достигло исторического максимума в 33 тыс., повторенного затем в 2004 г. Если до середины 1950-х годов в Чехии разводом заканчивался каждый 10-й заключенный брак, с середины 1960-х – пятая часть браков, а с 1980-х – третья, то граница в 40% была преодолена в 1996 г., а в 50% – в 2008 г. Таким образом, сейчас в республике каждый второй брак обречен на распад. Это показатель аналогичный шведскому и один из самых высоких в мире. Тревожная тенденция – в Чехии увеличивается вероятность распада прежде всего длительных браков продолжительностью свыше 15 лет. В начале 1990-х годов они составляли около четверти всех разводов, а в 2007 г. – уже 43%¹⁸.

«Если второй демографический переход является неизбежным результатом расширяющейся свободы индивида, то ни одно демократическое общество не может “уберечься” от него. В том числе и чешское», – констатировал социолог из г. Брно 10 лет назад¹⁹. Случившиеся в условиях не только политических перемен, но и глубоких социально-экономических трансформаций структурные сдвиги в демографическом режиме имели революционный характер. Они действительно формально приближали Чешскую Республику к показателям западноевропейских “старых демократий” и их типу воспроизводства населения, прежде всего по брачному поведению, но их социальный контекст и последствия, в частности для динамики уровня рождаемости, были иными²⁰. Откладывание обзаведения потомством на более старший возраст и увеличение числа внебрачных рождений вели – в отличие от стран Запада – к падению рождаемости.

После крушения коммунизма власть перестала влиять на демографические процессы, переместившись на дальнюю периферию ее интересов. Лишь убыль чешского населения и демографический кризис привели к созданию в стране в 2005 г. по образцу западноевропейских государств “Концепции семейной политики”, в преамбуле которой констатировалось происходящее после 1989 г. ослабление социальных функций чешской семьи, угрожающее самому существованию чешского общества. Но и в этом документе не были определены цели политики в области преодоления семейной дезинтеграции и повышения рождаемости, которая в Чехии не перешла в категорию приоритетных в отличие от других европейских стран с уровнем рождаемости ниже 1,5 ребенка на одну женщину.

В то же время в семейной политике неолиберальной власти произошло усиление начавшего проявляться еще с 1960-х годов гендерно-консервативного дискурса, когда в Чехии вновь стало пропагандироваться “естественное” возвращение матерей в домохозяйство. В совершенно изменившихся условиях оно актуализировалось с появлением напряжения и дискриминации женщин на рынке труда, тем более финансового кризиса, когда государственная поддержка семей с детьми утратила универсальный характер, и был взят курс на предоставление социальной помощи преимущественно одиноким матерям – наиболее малообеспеченной группе населения. Как и в других посткоммунистических странах, ответственность за условия жизни семей с детьми была перенесена с государства на самих родителей (“приватизация заботы о детях”), т.е. наблюдался процесс теперь уже рефамилизации общества при одновременном падении социального престижа семьи. В рамках этой политики с 1995 г., когда в республике ожидался значительный рост безработицы, оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком для неработающих матерей продлили до четырех лет (рабочее место по-прежнему сохранялось до трех лет), с 2007 г. удвоили родительское пособие, до-

¹⁸ Demografická situace České republiky..., s. 152.

¹⁹ Rabušic L. Kde ty všechny děti jsou? Porodnost v sociologické perspektivě. Praha, 2001, s. 204.

²⁰ Demografická situace České republiky..., s. 63.

стигшее 40% средней заработной платы в общественном секторе. Это представлялось власти менее финансово затратным по сравнению с содержанием постоянно сокращающейся сети государственных дошкольных учреждений (ясли практически перестали существовать, хотя потребность в них сейчас явно превышает предложение) как “реликта коммунизма”. Чехия стала в ЕС, уходящем в настоящее время от модели семьи с отцом-кормильцем, одной из стран с наиболее продолжительным отпуском по уходу за ребенком. Занятость матерей детей до трех лет в Чехии составляет всего 30% (во Франции – 70%), даже в Словакии больше проявляется ориентация на активную социальную политику, способствующую возвращению матерей малолетних детей на рынок труда. Материнство в Чешской Республике оказывает наиболее негативное влияние среди стран ЕС на положение и доходы женщин, уже половина которых после отпуска по уходу за ребенком не возвращается на прежнюю работу и составляет одну из самых подверженных риску безработицы групп населения.

Однако поворот к “традиционным” гендерным отношениям в Чехии, где уже свыше трех поколений женщин обладают опытом экономической активности, не состоялся. Женщины и поныне составляют не менее 43% всех занятых в стране, хотя регистрируется появление преимущественно малообразованных контингентов женщин, ориентирующихся как на равноценный оплачиваемому труду вариант превращения в домохозяйку²¹. В первое десятилетие 2000-х годов изменилась последовательность приоритетов популяционной политики для чешского общества. Возросла поддержка позиций, связанных с возможностями активно учиться и совмещать труд с семейными обязанностями, в том числе снижения налогов для семей с несовершеннолетними детьми, свободного рабочего графика и увеличения количества детских садов. Наоборот, спад проявился в вопросах увеличения родительских пособий и продления оплачиваемого декретного отпуска²².

Итоги общественной трансформации, когда условия сочетания труда и семьи ухудшились, таковы, что гендерные неравенства, как и конфликт между материнской и производственной ролью женщины, усилились. В результате женская занятость существенно не снизилась, но резко упала рождаемость. Поставленные перед выбором – работа или семья, чешские женщины стали отдавать приоритет оплачиваемой производственной деятельности и покидали скорее репродуктивный рынок, чем трудовой²³. Особенно это касается высокообразованных женщин. Их положение, полагают специалисты, может ухудшиться настолько, что они, как это произошло в Западной Германии, в массовом порядке – по некоторым оценкам каждая третья – будут выбирать пожизненную бездетность²⁴. Обратной стороной этого процесса является феминизация бедности за счет непрекращающегося увеличения доли низкоквалифицированных матерей-одиночек.

Ориентиром для стабилизации популяционного климата и в целом направления развития Чехии и других стран региона в последнее время все чаще выступают протестантские скандинавские страны социал-демократического типа, которые с рубежа 1980–1990-х годов лидируют в Европе по уровню рождаемости. На одну женщину там приходится детей больше, чем на востоке или юге Европы. Для этой группы стран характерна социальная политика в пользу сочетания труда и семьи, высокая женская занятость, в том числе молодых матерей, поддержка равноправных ролей мужчины и женщины в семье и высокая степень доступности яслей и детских садов. Но это страны иного цивилизационного, социокультурного типа – авангард второго демографического перехода Запада с его приоритетом индивидуалистических, релятивистских ценностей эпохи постмодерна. В них гораздо шире распространены новые,

²¹ Women and Social Citizenship in Czech Society..., s. 121.

²² *Коровицына Н.В.* Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов. М., 2011, с. 158.

²³ Gender, Politics and Institutions. Towards a Feminist Institutionalism. New York, 2010, s. 116.

²⁴ *Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe...* Praha, 2010, s. 406.

“нетрадиционных” форм совместной жизни партнеров: вне брака в этих странах рождается каждый второй ребенок. В Швеции и Нидерландах 90% людей воспринимают внебрачные союзы как равноправную альтернативу брака, который уже не рассматривается здесь как основа семьи²⁵. Главным фактором вхождения во взрослую жизнь в скандинавских странах считается отделение от родительской семьи (в среднем около 20 лет, а в Швеции – раньше 19 лет и для мужчин, и для женщин), как в западноевропейских – начало полноценной трудовой деятельности. Чехия до 1989 г. принадлежала к числу традиционных обществ Центральной и Восточной Европы, где взрослая жизнь ассоциировалась с появлением потомства, и сохраняется довольно высокий возраст ухода из родительской семьи (25 лет для женщин и 27 лет для мужчин)²⁶.

В течение двух десятилетий после политических перемен 1989 г. различия между странами запада и востока Европы в возрасте вступления в брак и рождения детей, а также по доле хозяйств одиноких людей (в Чехии они составляют сейчас около 30%, тогда как в Дании – 49%, Швеции – 46%) стирались. Несмотря на выраженный догоняющий эффект, например, католические Польша и Словакия с более консервативными семейными традициями возможно никогда не сравняются с демографическими параметрами Западной Европы²⁷. Среди словаков сейчас всего 30% мужчин в возрасте 20–34 лет живет независимо от родителей (в целом по региону – менее половины), не больше 4% – в незарегистрированном союзе, но выше всего доля мужчин, проживающих в семьях со своими детьми – три четверти (в Германии – чуть больше половины). Образ жизни в Польше и Словакии меняется медленнее, чем в Чехии и Венгрии, и в некоторых отношениях в первом случае западные модели отрицаются большинством людей или приобретают совершенно иное содержание. Деление на западную и восточную демографические системы поныне сохраняется, что, безусловно, связано с различными прошлыми практиками и ценностями.

Чешская Республика, переживавшая на общерегиональном фоне ускоренную конвергенцию с Западом, в настоящее время занимает промежуточное положение между западноевропейскими и традиционными восточноевропейскими семейными образцами. Новый этап ее демографического “дрейфа” в западном направлении, начавшийся после смены систем, пока не завершен. Согласно результатам опросов общественного мнения, в вопросах супружества и брака у чехов уже начинают преобладать либеральные взгляды, тогда как в вопросах родительства – остаются преимущественно консервативные. На рубеже XX–XXI вв. молодое поколение копировало в своем демографическом поведении процессы, стартовавшие в Западной Европе в 1960–1970-е годы, т.е. на одно поколение раньше. Взгляды чешской молодежи (особенно невоцерковленной) существенно отличаются от старшего поколения, выросшего в условиях просемейного общественного климата периода социализма. Так, молодые люди считают идеальным возрастом новобрачных и матерей первого ребенка 30 и более лет. Это идеал, а не планы и тем более не их реализация.

В генерации чехов, рожденных в 1970-е годы и вступивших в общественную жизнь в переломные 1990-е годы, произошла дестандартизация жизненных путей, в том числе семейных, гетерогенность которых, однако, сдвинута во времени на возраст старше 25 лет. Напротив, в возрасте около 20 лет парадоксально проявляется противоположная тенденция снижения разнообразия семейной организации, даже по сравнению с ситуацией до начала 1990-х годов, когда доминирующей стратегией для всех 18–35-летних был классический семейный путь – законный брак и рождение потомства. У этой возрастной категории ниже вероятность вступления в партнерские отношения независимо от их формального статуса, что противоречит представлению, будто сокращение количества вступающих в брак в конце XX в. полностью компенси-

²⁵ Chaloupková J., Šalamounová P. Postoje k manželství, rodičovství a k rolím v rodině v České republice a v Evropě. Praha, 2004, s. 27.

²⁶ Proměny rodinných a profesních startů, s. 151–152.

²⁷ Individuals and Households in the Czech Republic and CEE Countries. Prague, 2010, s. 27.

ровалось распространением незарегистрированных союзов²⁸. В перспективе чешские специалисты прогнозируют дальнейшее ослабление распространенности классического семейного пути при росте частоты партнерского бездетного пути, одиночества, когда семейный старт откладывается, незарегистрированного союза при наличии детей и семейного пути, когда рождение ребенка предшествует браку.

Долгое время в Чехии считалось, а в начале XXI в. в период вступления в Евро-союз широко пропагандировалось, что нетрадиционные формы семейного поведения получают распространение в результате вестернизации общества прежде всего среди прогрессивных либеральных и высокообразованных слоев населения – современных, богатых и успешных, которые считают институт брака устаревшим пережитком, пригодным лишь для отсталых групп общества. Результаты проведенных в стране в последние годы социологических исследований показали, что это совсем не так.

В нынешней Чехии длительный незарегистрированный союз не особенно распространен как тип партнерской связи, поскольку подобная форма отношений обычно завершается либо браком, либо распадом союза. Широкою, хотя и не возрастающую после 1994 г., поддержку находят в республике главным образом предбрачные незарегистрированные союзы, ставшие в период либеральной трансформации прежде всего среди молодежи общепринятым явлением. Постоянно снижаются поддержка чешским обществом тезиса о важности брака для воспитания детей и процент людей, считающих, что брак должен быть заключен до рождения детей²⁹. Но неизменно три пятых чехов одобряют заключение брака между людьми, собирающимися завести детей³⁰. Вступление в брак и создание семьи остаются составной частью жизненных намерений большинства чешской молодежи, хотя в своих репродуктивных планах она придает теперь уже большее по сравнению и с западноевропейскими сверстниками, и с предшествующим поколением значение материальным факторам, таким как достижение экономической самостоятельности или обеспечение жильем³¹. Когда не стало гарантировавшихся предшествующим режимом социальных и материальных преимуществ раннего вступления в брак и рождения детей, решение финансового и квартирного вопросов, наоборот, стало необходимым условием основания семьи. В целом брак в Чешской Республике продолжает восприниматься как условие продолжения рода, однако в этом вопросе действительно произошло сокращение общественной поддержки одновременно с ростом внебрачной рождаемости. Вместе с тем, когда людей спрашивали, как они сами хотели бы жить, 80% предпочитало законный брак, причем две трети их – без предварительного сожительства (прежде всего верующие). Возможность жить без регистрации брака как идеальную форму партнерских отношений выбрало лишь 7% опрошенных, столько же предпочло отношения без совместного проживания. Толерантные чехи, декларируемые взгляды и реальное поведение которых в последнее время явно расходятся, действуют по принципу: “передовые взгляды – традиционное поведение”³².

Подобное противоречие особенно характерно для высокообразованных слоев чешского общества, которые со второй половины 1990-х годов все чаще вербально соглашаются с нетрадиционными отношениями, но лично для себя предпочитают их наиболее консервативные формы – так называемый прямой брак без испытательного срока³³. В молодости они более склонны откладывать брак и основание семьи, чтобы укрепить свои позиции на рынке труда, но после достижения 30-летнего возраста вероятность их пребывания в незарегистрированном союзе не больше, чем у людей со средним образованием. Причем только 3% высокообразованных считают идеальным

²⁸ *Proměny rodinných a profesních startů*, s. 101.

²⁹ *Коровицына Н.В.* Чешский человек..., с. 161.

³⁰ *Děti na psí knížku? Mimomanželská plodnost v ČR*. Praha, 2007, s. 47.

³¹ *Гашикова Г.* Указ. соч., с. 28.

³² *Současná česká společnost*, s. 132.

³³ *Děti na psí knížku*, s. 35.

одного ребенка в семье, а три четверти предпочитают семью с двумя детьми, тогда как на однодетную семью чаще всего ориентируются люди с неполным (восьмилетним) средним образованием³⁴. Последние в большинстве своем считают законный брак идеальной формой партнерского союза, но на практике чаще всего остаются незамужними и одинокими³⁵.

Брак еще сохраняет свою высокую ценность для чехов как лучшая, хотя уже не единственная, форма партнерских отношений, нередко к тому же откладываемая на время после рождения ребенка. Широко распространено мнение, что наблюдать, как растут дети, – самая большая жизненная радость. Если в системе ценностей чешской молодежи (до 29 лет) первые места занимают образование и работа, не в последнюю очередь как условия основания семьи, то у людей старше 45 лет дети возглавляют иерархию ценностей. Следует заметить, убеждение, что ребенок очень важен для смысла жизни, характерно также для Болгарии, Польши, бывшей ГДР, но его нет в Австрии, Бельгии, Швеции, а особенно в Нидерландах³⁶. Причем по сравнению с началом 1990-х годов в Чехии даже больше людей (свыше половины) теперь уверено, что бездетные ведут праздный образ жизни. Хотя за этот период на треть выросла доля считающих, что один родитель может воспитать ребенка с таким же успехом, что и два (так думает 4 из 10 опрошенных), но на столько же увеличилось число сторонников мнения, что желающие завести детей должны вступить в брак – почти до 60% (брак является условием появления потомства для менее трети жителей Швеции или Нидерландов)³⁷. Неизменно, несмотря на высокую толерантность чешского общества к разводам, около 40% его представителей, как и в других бывших соцстранах, считает семейных людей более счастливыми (в целом в странах ЕС так думает меньше четверти). Почти каждый пятый чех (но каждый десятый поляк и двое из ста в Нидерландах) придерживается мнения, что лучше плохой брак, чем никакого, и доля этих людей существенно возросла в годы общественных перемен³⁸. В последнее десятилетие социологами регистрируется определенная контрреакция чешского общества на “либеральные 1990-е”, противоположная процессам в западноевропейских странах³⁹.

Сохранение преимущественно традиционных взглядов на семью и сильной идентификации с ней в странах бывшего восточного блока не противоречит росту здесь ориентации общества на гендерное равенство и универсализацию мужских и женских социальных ролей. В странах региона больше, чем в Западной Европе, приверженцев обоих работающих супругов, не в последнюю очередь как экономической необходимости и периода социализма, и тем более трансформационного периода. Можно говорить о восточноевропейском типе демографического перехода и трансформации семьи применительно и к периоду после 1989 г. Характерно, что во всех “новых” членах ЕС, в отличие от “старых”, минимальное гендерное неравенство в доходах семейных пар. Доля женщин в этих доходах составляет больше 40% в Польше и Словакии (здесь лишь в 13% пар муж является единственным кормильцем), где отношение к семейной организации, как отмечалось выше, наиболее консервативное. В посткоммунистических странах с обязательной при прошлом режиме занятостью населения доля пар, в которых хотя бы один партнер вырос в традиционной семье с мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой, многократно меньше по сравнению с западноевропейскими. Поэтому на Западе ныне более вероятна межпоколенческая трансмиссия подобной модели семьи. В восточноевропейских обществах неравенство в доходах внутри пар даже сократилось по сравнению с началом 1990-х годов. На этом фоне более интенсивно заимствующая западные демографические стандарты Чехия в период либеральной

³⁴ Коровицына Н. Чешский человек..., с. 164.

³⁵ Chaloupková J., Šalamounová P. Op. cit., s. 18.

³⁶ Rabušic L. Op. cit., s. 159.

³⁷ Děti na psí knížku, s. 32.

³⁸ Chaloupková J., Šalamounová P. Op. cit., s. 21.

³⁹ Individuals and Households..., s. 190.

трансформации демонстрировала противоположную тенденцию роста неравенства в доходах семейных пар, в которых доля женщин ниже по сравнению с соседними по региону странами⁴⁰.

Как показывают результаты современных исследований чешских социологов, быстрые и кардинальные сдвиги в режиме демографического воспроизводства страны на рубеже XX–XXI вв. были вызваны не только сдвигами в ценностных ориентациях и образе жизни населения, но и возникли как результат значительного ухудшения экономического положения некоторых слоев общества – “проигравших” от смены общественного порядка. Об этом свидетельствует прежде всего сильная негативная зависимость внебрачной рождаемости от уровня образования населения страны.

Увеличение в период общественного перехода доли внебрачных детей в Чешской Республике с упомянутых менее 8% до трети, а в абсолютном выражении – утроение, характерное не для самых молодых контингентов, как раньше, а для широкой возрастной категории 18–35-летних, представляет собой сегодня наиболее острую проблему чешской семьи. Она сопоставима по значению с одновременным общим спадом рождаемости и уменьшением числа детей, рожденных замужними женщинами, почти на половину. Причем феномен внебрачной рождаемости со всеми его социальными последствиями в современной Чехии по-прежнему находится на подъеме, несмотря на то что лишь для 12% незамужних матерей брак является пустой формальностью⁴¹. Критикуя идеологизированные трактовки проблемы, специалисты не устают повторять: “Нет ничего более далекого от действительности, чем представление, что типичная незамужняя мать – успешная, образованная и эмансипированная”⁴². В такой социальной категории подобное явление скорее представляет маргинальное явление или исключение, и ребенок в 90% случаев просто появляется в незарегистрированном союзе. Поэтому у высокообразованных матерей сейчас (в начале 1990-х годов так не было) выше вероятность последующего брака или брака в недалекой перспективе.

Вместе с тем действительно типичная незамужняя мать – это одинокая женщина молодого возраста с низким уровнем образования из неблагополучных в социально-экономическом отношении, как правило, переживших в 1990-е годы деиндустриализацию регионов северной и западной Чехии (лидирует среди них Мост). Речь идет о регионах страны с высоким уровнем безработицы, смертности, количества разводов, суицидальности, с низкой средней заработной платой и религиозностью населения, наконец, со значительной долей людей цыганской национальности. Напротив, Прага с повышенной долей высокообразованных контингентов и максимальными в республике душевыми доходами ее жителей, которая могла бы быть бастионом “современных” форм поведения и альтернативного мышления, отличается пониженной долей внебрачных рождений. Правда, до демографической революции конца XX в. здесь наблюдался относительно высокий их уровень, но теперь он аналогичен показателям сельских поселений с менее 2 тыс. жителей, где наиболее традиционный способ поведения⁴³.

Уровень образования стал в нынешней Чешской Республике главным дифференцирующим признаком демографического поведения и в том числе внебрачной рождаемости. Причем неблагоприятные экономические условия способствуют росту социальных различий, и в “бедных” регионах у низкообразованных женщин вероятность стать одинокой матерью в 17 раз выше, чем у высокообразованных, тогда как в “богатых” – в 10 раз⁴⁴. В более религиозной среде социально-образовательные различия по этому показателю стираются. Высокообразованные женщины, несмотря на

⁴⁰ Ibid., s. 185.

⁴¹ Jaká je naše společnost, s. 377.

⁴² Děti na psí knížku, s. 8.

⁴³ Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006, s. 23.

⁴⁴ Jaká je naše společnost, s. 391.

все чаще высказываемые ими в последнее время прогрессивные взгляды, оказались, таким образом, в стороне от процессов трансформации демографического режима, как и рисков экономического неблагополучия в период перемен, 80% их состоит в браке на момент рождения ребенка. Настоящим объектом новых веяний, как семейного одиночества, так и незарегистрированного союза, стали в Чехии женщины с неполным средним образованием, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все больше сводится к семье. Однако 70% их детей и 80% первых детей (в 1990 г. – 27%) рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, причем доля последних растет опережающими темпами⁴⁵. Малообразованные женщины чаще других придерживаются мнения, что и один родитель может воспитать ребенка. Следует заметить, что резкий рост внебрачной рождаемости во всем регионе Центральной и Восточной Европы после 1989 г. характерен в основном для одиноких, малообеспеченных матерей, тогда как большинство внебрачных рождений в Западной Европе происходит в контексте стабильных партнерских отношений⁴⁶.

Материнство становится не только вынужденным выбором людей с крайне ограниченными жизненными альтернативами, но и своего рода перспективой, источником идентичности и основой положения в посткоммунистическом обществе. Среди самих матерей-одиночек преобладает объяснение подобного выбора отсутствием подходящего партнера, от брака с которым женщины этой социальной категории обычно ждут исправления своего положения, прежде всего экономического. Однако в современной Чехии у низкообразованных женщин наиболее высоки шансы встретиться с мужчинами аналогичного уровня образования, среди которых самая высокая в стране доля безработных, достигающая 25%. Они, согласно чешским опросным данным, меньше всего заинтересованы не только в браке, но даже в совместном проживании с матерью своих детей, практически не поддерживая с ними контактов. Не кто иной, как молодые низкоквалифицированные безработные мужчины, неспособные обеспечить семью, чаще всего в республике считают брак устаревшей институцией.

Еще более важно – для женщин из нижних слоев материнство является способом решения материальных проблем при существующей в стране системе государственной социальной поддержки. Если, например, в более “цивилизационно развитых” скандинавских странах незамужние матери, проживающие в незарегистрированных союзах, как и одинокие, получают материальную поддержку от государства, причем независимо от достатка их партнера, в Чехии социальная политика ориентирована только на одиноких матерей, причем их правовой статус строго контролируется государством. В этой ситуации четверть женщин признается, что родили ребенка вне брака, руководствуясь финансовыми соображениями⁴⁷. Раньше одинокие матери с детьми дошкольного возраста полагались прежде всего на свои собственные заработки, а социальные пособия были для них вторичным источником дохода. Теперь они все чаще оказываются среди безработных и маргинализированных слоев населения, предпочитают бездействовать, рассчитывая на помощь государства и родственников. Матери-одиночки меньше ориентированы на продолжение активной производственной деятельности, чем замужние матери, теряя интерес к малооплачиваемому, рутинному, нередко физически тяжелому труду и предпочитая ему часто не меньшее по величине пособие по безработице тем более, что доплаты на детей для неработающих выше. Таким образом, сознательно мотивируется длительная экономическая неактивность и отсутствие стимулов повышать квалификацию этой группы общества, фактически устраняемой с рынка труда. Поскольку именно семьи безработных и одиноких наиболее подвержены материальной депривации, рожденные в них внебрачные дети воспроизводят бедность в следующем поколении. Таким образом, именно социально-экономическое положение оказывается главным фактором продолжающегося нарастания внебрачной

⁴⁵ *Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989...*, s. 8.

⁴⁶ *Individuals and Households...*, s. 31.

⁴⁷ *Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989...*, s. 377.

рождаемости. Существенно, что “ножницы” между различными образовательными группами и регионами Чехии, с точки зрения легитимности рождаемости, чем дальше, тем больше⁴⁸. Все это ведет к общей дестабилизации семейной среды в стране.

На протяжении периода с середины прошлого века одновременно со сменой политических режимов при движении “от капитализма к социализму и обратно” дважды качественно менялись модель семьи и нормы жизни чешского населения. Вторая трансформация рубежа XX–XXI вв. особенно отразилась на судьбах достаточно многочисленных обедневших и опустившихся на социальное “дно” групп населения. В их среде происходит распад семейной организации и утрата традиционных жизненных ориентиров. Капитализм оказался для чешской семьи более “твердым орешком” по сравнению с социализмом и его политикой консервативной модернизации⁴⁹. В последние два десятилетия в Чехии произошла дифференциация не только формального статуса семей в различных слоях общества, но и возникло деление на образованные и обеспеченные полные семьи и неблагополучные домохозяйства одиноких матерей из нижних слоев. Тем самым значительно углубились социальные и культурные неравенства в среде нынешнего и следующего поколений чешского общества.

⁴⁸ Ibid., s. 11.

⁴⁹ *Možný I.* Op. cit., s. 30.